

## «...УМНЫЙ, ОБРАЗОВАННЫЙ, НО... ЭСТЕТИК» (ТОЛСТОЙ О ГОНЧАРОВЕ)

Высказывания Толстого о Гончарове немногочисленны, но до парадоксальности разнохарактерны, от самых заинтересованных и благожелательных, до резко негативных, и уже одно это требует и комментария, и экскурса в историю взаимоотношений двух романистов. Самое, пожалуй, неожиданное — короткое, произнесенное мимоходом замечание о Гончарове в трактате Толстого «Что такое искусство?» (1897—1898), где его имя возникает вместе с аллюзией на «Обломова» и упоминанием «локтей» Агафьи Пшеницыной и где Гончаров предстает убежденным «эстетиком»: «Помню, как писатель Гончаров, умный, образованный, но совершенно городской человек, эстетик, говорил мне, что из народной жизни после „Записок охотника“ Тургенева писать уже нечего. Всё исчерпано. Жизнь рабочего народа казалась ему так проста, что после народных рассказов Тургенева описывать там было уже нечего. Жизнь же богатых людей, с ее влюблениями и недовольством собою, ему казалась полною бесконечного содержания. Один герой поцеловал свою даму в ладонь, а другой в локоть, а третий еще как-нибудь. Один тоскует от лени, а другой от того, что его не любят. И ему казалось, что в этой области нет конца разнообразию».<sup>1</sup>

Для позднего Толстого, несомненно, определяющим является сам предмет изображения: бессодержательная «жизнь богатых» им в принципе быть не может. Хотя здесь он повторяет то, что однажды уже сформулировал (в записях к роману «Декабристы», 1863), вспоминая время, когда «появились плеяды писателей, художников, описывавших рощу и восход солнца, и грозу, и любовь русской девицы, и лень одного чиновника, и дурное поведение многих чиновников...» (17, 8). Принципиально для Толстого и другое: «совершенно городской человек» — не столько социальная, сколько этико-религиозная категория, показатель отчуждения от крестьянского, трудового, природного, т. е. религиозного, христианского мира. При этом гончаровский «эстетизм» Толстой в естественной для себя манере остраивает, сводя его к проблеме «влюблений и недовольства собою», и творчество его рассматривает подчеркнуто анахронично — только как явление 1850-х годов, относящееся к вполне определенному, «эстетическому» направлению. Казалось бы, выросший из натуральной школы Гончаров — менее всего эстетик. Однако для Толстого важно обнаружить и разоблачить «эстетизм» именно у него, и давно ставший хрестоматийным «Обломов» неожиданным образом в позднем трактате об искусстве включается в острую толстовскую полемику. При очевидной тенденциозности общей оценки Гончарова-художника хронометрирование Толстым его романистики в целом справедливо. В поздних статьях Гончаров, как известно, три своих романа определял как «трилогию», задуманы они были почти одновременно, в конце 1840-х годов; с определенными «эпо-

<sup>1</sup> Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.; Л., 1928—1958. Т. 30. С. 86—87. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

хами» русской жизни соотносимы их центральные персонажи, «люди тридцатых и сороковых годов», по авторскому определению.

Отчасти созвучны приведенному выше и другие поздние высказывания Толстого о Гончарове. Так, Г. А. Русанов записал в 1883 году его слова о Лермонтове: «У него нет шуточек. Шуточки нетрудно писать, но каждое слово его было словом человека, власть имеющего. Тургенев — литератор, (...) Гончаров — еще больше литератор, чем Тургенев; Лермонтов и я — не литераторы».<sup>2</sup> Согласно записи в дневнике В. Ф. Лазурского (1894) в беседе о поражавшем его явлении «двух Тургеневых», о его провалах и взлетах, Толстой заметил: «Средние таланты пишут ровнее; высоко не залетают, но и особенно низко не спускаются; Писемский, например; даже Гончаров».<sup>3</sup> И еще одна запись, 1907 года, в дневнике В. Ф. Булгакова, в беседе о Достоевском: «...конечно, это настоящий писатель, с истинно религиозным исканием, не как какой-нибудь Гончаров».<sup>4</sup>

Отношений притяжения-отталкивания, как с Достоевским или Тургеневым, у Толстого с Гончаровым никогда не было. И причины этому очевидны. Автор единственной большой работы, специально посвященной теме «Толстой и Гончаров», Н. Апостолов (Н. Н. Арденс), приступая к теме, говорит о том, о чем не сказать невозможно, — о разности темпераментов и судеб, личностного и творческого масштаба писателей. «Существуют ли в истории русской литературы, — пишет Арденс, — писатели, столь далекие друг от друга по основным чертам своих характеров и темпераментов, как Л. Н. Толстой и И. А. Гончаров? Мятельный студент Казанского университета, беспокойный юнкер и офицер, наконец, неизменный оппозиционер в кружке „Современника“, разбивающий налево и направо все старые кумиры, Л. Н. Толстой являл собой натуру, резко обособляющуюся на окружающем его фоне. Он, (...) наконец, играл в карты, вызывал на дуэль и т. п. И рядом с ним — Иван Александрович (хочется сказать: Илья Ильич...) Гончаров, певец Гороховой улицы, никогда никого не вызывавший на дуэль, проходивший всю свою жизнь в халате и вместо аннибаловых клятв, бунта и гнева, которыми так изобиловали 50-ые годы, тихо брюзжавший, утверждая, что у него есть „своя нива, свой грунт...“». И далее: «Толстой, распростершийся к концу своих дней в мировой плоскости, умер, окруженный тысячами своих непосредственных последователей и увенчанный признанием своего мирового значения со стороны многих миллионов людей (...). Гончаров, проживший всю свою долгую жизнь в каком-то отшельничестве, чуждавшийся всякой „общественности“, не знал и сотой доли того круга встреч и связей, какими была полна жизнь Толстого, и умер он так же одиноко, как одиноко и жил, завещав все свое имущество семье своего слуги».<sup>5</sup>

<sup>2</sup> Русанов Г. А. Поездка в Ясную Поляну (24—25 августа 1883 г.) // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. 2-е изд., испр. и доп. М., 1960. Т. 1. С. 301.

<sup>3</sup> Лазурский В. Ф. Дневник // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1978. Т. 2. С. 54. Сближая Гончарова и Писемского, Толстой не был оригинален, сближение это было привычным и для современной писателям критики — достаточно вспомнить статьи Д. И. Писарева об «Обломове». Заслуживает внимания не часто цитируемое, относящееся к 1870-м годам размышление Ап. Майкова: «С появления Тургенева мы ушли в себя, и мир наших личных созерцаний, личных чувств, недостатков сделали областью искусства, т. е. свою личную скудость. (...) История и народное, более широкое, христианское воззрение забыто. Л. Толстой окунулся в этот океан — и вынес нечто прочное. Сравни с „Войной и миром“ то, что пишет Писемский, Гончаров — старых щей, да пожиже влей» (Майков А. Н. Письма / Публ. И. Г. Ямпольского // Временник Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 164—165).

<sup>4</sup> Булгаков В. Ф. Лев Толстой в последний год его жизни: (Дневник секретаря Л. Н. Толстого). 3-е изд. М., 1920. С. 5.

<sup>5</sup> Апостолов Н. Толстой и Гончаров // Толстой и о Толстом: Новые материалы. М., 1927. Сб. 3. С. 37, 38.

Последнее важно для Арденса как историка литературы. Если, как пишет он, «вокруг личности Толстого выросла исполинская по своим размерам мемуарная и эпистолярная литература», то «изучающий Гончарова почти лишен (...) воспоминаний, переписки, анекдотов и вообще черт личной жизни», столь необходимых для исследователя литературной деятельности любого писателя. Ни дневников, ни записных книжек Гончаров никогда не вел. Закрытость — его личностно-психологическая черта, он был, как скажет позднее Ин. Анненский, натурой «осторожной, флегматичной и консервативной».<sup>6</sup> Авторская закрытость, «minimum личности» (по определению того же Анненского) или невыраженное, сглаженное субъективное начало составляет особенность и гончаровской поэтики — как противоположность яркому толстовскому субъективизму.

На склоне лет вспоминая о том, как его авторскую объективность оценивал Белинский, Гончаров писал: «На меня он иногда как будто накидывался за то, что у меня не было злости, раздражения, субъективности. „Вам все равно, попадется мерзавец, дурак, урод или порядочная, добрая натура, — всех одинаково рисуете: ни любви, ни ненависти ни к кому!“».<sup>7</sup> Близкие суждения не раз высказывались и публично, прежде всего буквально вторившим Белинскому Писаревым: «У Гончарова нет никакого конька, никакой любимой идеи; (...) ко всякому увлечению он относится с легким и вежливым оттенком иронии; он скептик, не доводящий своего скептицизма до крайности; (...) он эгоист, не решающийся взять на себя крайних выводов своего мирозерцания и выражающий свой эгоизм в тепловатом отношении к общим идеям (...) бесстрастно и беспристрастно осматривает он положение (...), становясь поочередно на точку зрения каждого из действующих лиц, не сочувствуя особенно сильно никому и понимая по-своему всех».<sup>8</sup> Позиции современной Гончарову критики — и писаревский радикализм в том числе — важны для понимания поздних толстовских оценок.

Диалог двух романистов, личный и эпистолярный, имеет всего две фазы, раннюю и позднюю. Между ними 30 лет молчания и, если сказать определеннее, отчуждения и отсутствия взаимного интереса. Ранняя фаза — вторая половина 1850-х годов, когда состоялось их знакомство и возникла переписка; поздняя — 1880-е, когда возобновилась переписка, когда Толстой не только перечитывает «Обломова», но и читает поздние гончаровские вещи — воспоминания «На родине» (1887), очерк «Слуги старого века» (1888) и приглашает его к сотрудничеству в «Посреднике». На два этапа — с интервалом в 30 лет — распадается и переписка писателей, которую, впрочем, и перепиской в точном смысле слова назвать нельзя. Сохранилось шесть писем Гончарова к Толстому: два письма 1858—1859 годов и четыре письма 1887—1888 годов.<sup>9</sup> Письма Толстого неизвестны, неизвестно их количество, хотя, несомненно, они существовали, так как часть гончаровских писем — ответные.

Толстой познакомился с Гончаровым в ноябре 1855 года на квартире у Тургенева, где тогда остановился. Их встречи во время посещений Толстым Петербурга на литературно-театральных обедах и вечерах, в литературных

<sup>6</sup> Анненский Ин. Гончаров и его Обломов // Анненский Ин. Книги отражений / Изд. подг. Н. Т. Ашимбаева, Н. И. Подольская, А. В. Федоров. М., 1979. С. 256 (серия «Литературные памятники»).

<sup>7</sup> Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1980. Т. 8. С. 85. Далее ссылки на 8-й том этого издания даются в тексте с указанием страницы.

<sup>8</sup> Писарев Д. И. Литературная критика: В 3 т. Л., 1981. Т. 1. С. 138.

<sup>9</sup> Впервые опубликованы: Письма И. А. Гончарова к Л. Н. Толстому / Публ. и комм. Е. С. Серебровской // Лев Николаевич Толстой: Сб. статей и материалов. М., 1951. С. 696—708.

редакциях в 1856 году довольно часты, чуть позднее, в 1857—1859 годах, уже единичны.<sup>10</sup>

Осенью 1856 года Толстой читает «Обыкновенную историю» (см.: 47, 103) — спустя почти 10 лет после ее публикации — и пишет В. В. Арсеньевой, которой был тогда увлечен: «...прочтите эту прелесть. Вот где учишься жить. Видишь различные взгляды на жизнь, на любовь, с которыми можешь ни с одним не согласиться, но зато свой собственный становится умнее и яснее» (60, 140).

В 1857—1858 годах, в период интенсивнейшей работы над «Обломовым», когда роман, писавшийся 10 лет, стремительно завершался (были фактически заново написаны три части из четырех), Гончаров устраивает чтения романа в узком кругу, и Толстой, хотя и не участник чтений, об этом знает. Боткину и Тургеневу он сообщает, что Гончаров «потихоньку приглашает избранных послушать его роман» (60, 234), и выхода романа ждет. «Обломова» он читает в журнальной публикации — это первые четыре номера (январь—апрель) «Отечественных записок» за 1859 год, — и уже 16 апреля пишет Дружинину: «Обломов — капитальнейшая вещь, какой давно, давно не было. Скажите Гончарову, что я в восторге от Облом[ова] и перечитываю его еще раз. Но что приятнее ему будет — это, что Обломов имеет успех не случайный, не с треском, а здоровый, капитальный и невременный в настоящей публике» (60, 290).

Гончарова известили об отзыве Толстого, и автор «капитального» романа 13 мая 1859 года писал Толстому следующее: «Слову Вашему о моем романе я тем более придаю цену, что знаю, как Вы строги, иногда даже капризно взыскательны в деле литературного вкуса и суда. Ваше воззрение на искусство имеет в себе что-то новое, оригинальное, иногда даже пугающее своей смелостью; если не во всем можно согласиться с Вами, то нельзя не признать самостоятельной силы. Словом, угодить на Вас нелегко, и тем мне приятнее было приобрести в Вас доброжелателя новому моему труду. Еще бы приятнее мне было, если б Вы не рикошетом, а прямо сказали и о моих промахах, о том, что подействовало невыгодно» (271).

В Толстом, только начинающем свой творческий путь, Гончаров видит литературного арбитра (несмотря на его «пугающую» новизну и смелость), более того, в одном из его поздних писем прозвучит поразительное признание: «...когда Вы появились в Петербурге, в литературном кругу, я видел и признавал в Вас человека, каких мало знал там, почти никого, и каким хотел быть всегда сам» (477). Толстой в эти годы воспринимает Гончарова как «старшего» в литературе. Вспомнив в 1909 году первые встречи с ним, он отметит: «Я был гораздо моложе его. Я всегда так относился к нему, как к почтенному человеку».<sup>11</sup> В конце 1880-х годов в несохранившемся письме

<sup>10</sup> См.: Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого: 1828—1890. М., 1958. С. 101, 102, 128, 129 и след.; Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М., 1960. С. 54, 58, 60, 67 и след. В «Необыкновенной истории» (вторая половина 1870-х) Гончаров вспоминал, что в те годы Толстой «сходилась с нами почти ежедневно — опять все у тех же лиц — Тургенева, Панаева и проч. Говорили много, спорили о литературе, обедали шумно, весело — словом, было хорошо» (Гончаров И. А. Необыкновенная история // Лит. наследство. 2000. Т. 102. С. 200). В письме к Толстому от 22 июля 1887 года Гончаров напомнил ему о его «иронических спорах всего больше с Тургеневым, Дружининым, Анненковым и Боткиным о безусловном, отчасти напускном или слепом их поклонении разным литературным авторитетам» (477—478). 15 февраля 1856 года шесть сотрудников «Современника», в том числе Толстой и Гончаров, сфотографировались в ателье С. Л. Левицкого. 29 ноября того же года Гончаров слушал у А. А. Краевского чтение Толстым «Утра помещика», о чем осталась запись в толстовском дневнике: «Дудышкин и Гончар(ов). Слегка похвалили „У(тро) П(омещика)“» (47, 102).

<sup>11</sup> Лит. наследство. 1979. Т. 90: У Толстого: 1904—1910: «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого. Кн. 3. С. 389.

автору «Обломова» Толстой признает и факт своего творческого ученичества у него, а растроганный адресат ответит (2 августа 1887): «Вы подарили меня дорогими словами: что будто я мог „иметь большое влияние на Вашу писательскую деятельность”. Понять это буквально было бы дерзновенно с моей стороны; и я понимаю это так: Тургенев, Григорович, наконец и я, выступили прежде Вас; Вы, конечно, читали нас и, сидя в Севастопольских бастионах, думали: „Вон они пишут, кто во что горазд, дай-ка и я попробую”. И попробовали, а потом приехали в Петербург, посмотрели на нас, послушали — и принялись: и вон где нас всех оставили, далеко позади! То есть мы, в том числе, пожалуй, и я, заразили Вас охотой, пробудили и желание в Вас, а с ними и „силу львину”. В этом смысле, может быть, и я подталкивал Вас» (480—481).

Проблемы двух первых гончаровских романов в 1850-е годы остро волнуют Толстого, в прозе «почтенного» романиста ему многое родственно. Толстой работает над «Юностью» и «Молодостью» (будущими «Казачками»), над «Двумя гусарами», и его представление об «эпохах развития» личности, как и проблема отношений между поколениями сопоставимы с опытом взросления (и невзроslения) героев «Обыкновенной истории» и «Обломова». Сближает писателей в эти годы и их неприятие жоржзандистских идей, тематически близко обоим гончаровским романам толстовское «Семейное счастье» (1859), что дает повод говорить о «совпадении на определенном этапе психологических поисков двух романистов». <sup>12</sup>

В эстетике писателей-современников (Гончаров был шестнадцатью годами старше Толстого, однако публиковаться начал всего за пять лет до него — «Обыкновенная история», опубликованная в 1847 году, была его дебютом) есть, разумеется, типологическая общность, определявшая позицию обоих как относительно литературных предшественников, так и внутри литературного процесса. И для Толстого, и для Гончарова, вступивших в литературу на ее постромантическом этапе, оставалось актуальным наследие эпохи Просвещения. В контексте же полемик 1850-х годов не менее актуальным было и самоопределение относительно «пушкинского» и «гоголевского» направлений. И если Гончаров не выступал с открытыми декларациями против «обличительной литературы», вложив весь свой антиобличительный пафос в уста кроткого Ильи Ильича, уличавшего современную литературу в том, что в ней нет «понимания и сочувствия», а есть только «грубый смех, злость», <sup>13</sup> то Толстой во второй половине 1850-х, как обычно, радикален в полемике с «отрицательным направлением» и в утверждении своей позитивной программы. В Записной книжке 29 мая 1856 года он формулирует собственное «кредо»: «Всё то, на что нужно негодовать, лучше обходить. Для жизни довольно будет и тех вещей, к[оторые] не возбуждают негодования — любви. А у нас негодование, сатира, желчь сделались качествами» (47, 179). Продолжая ту же мысль, 2 июля 1856 года он пишет о «злости» Некрасову (при этом предельно немилосердно отзываясь о Чернышевском — «клоповоняющий господин», «говорящий тупые неприятности», «отвратительный» подражатель Белинского): «У нас не только в критике, но в литературе, даже просто в обществе утвердилось мнение, что быть возмущенным, желчным, злым очень мило ... Гоголя любят больше Пушкина. Критика Белинского верх совершенства, ваши стихи любимы из всех те-

<sup>12</sup> Краснощекова Е. А. И. А. Гончаров: Мир творчества. СПб., 1997. С. 320; см. также: С. 125—133.

<sup>13</sup> Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 1998. Т. IV. С. 27. Далее ссылки на это (продолжающееся) издание даются в тексте с указанием тома римской цифрой и страницы — арабской.

перешних поэтов. А я нахожу, что скверно, потому что человек желчный, злой, не в нормальном положении. Человек любящий — напротив, и только в нормальном положении можно сделать добро и ясно видеть вещи. — <...> А злоба ужасно у нас нравится. Вас хвалят, говоря: он озлобленный человек, вам даже льстят вашей злобой, и вы поддаетесь на эту штуку» (60, 75). Некрасов ответил на письмо мудро: «Гнусно притворяться злым, но я стал бы на колени перед человеком, который лопнул бы от искренней злости — у нас ли мало к ней поводов? И когда мы начнем больше злиться, тогда будем лучше, т. е. больше будем любить — любить не себя, а свою родину».<sup>14</sup> Об отношении Толстого к «отрицателям» Некрасов напишет 18 декабря того же года и Тургеневу: «Какого *нового* направления он хочет? Есть ли другое, живое и честное, кроме обличения и протеста? Его создал не Белинский, а среда, оттого оно и пережило Белинского, а совсем не потому, что „Соврем(енник)“ — в лице Чернышевского — будто бы подражает Белинскому. <...> Больно видеть, что Толстой личное свое нерасположение к Чернышевскому, поддерживаемое Дружин(иным) и Григоровичем, переносит на направление, которому сам донныне служил и которому служит всякий честный человек в России».<sup>15</sup>

Но если до сих пор речь шла о сближении двух писателей в конце 1850-х годов, обещавшем как будто развитие как личных, так и творческих отношений, то 1859 год стал последним годом в их общении и переписке. До конца 1880-х, повторю, между Гончаровым и Толстым пролегает полоса отчуждения, не оставившая ни писем, ни взаимных публичных отзывов.

В 1880-е годы отношение Толстого к «капитальному» роману резко меняется, и в целом из «доброжелателя» он превращается в его сурового судью. В октябре 1889 года он читает вслух «Обломова» в семейном кругу, что фиксируется в дневнике: «...читали Облом[ова]. Хорош идеал его» (50, 155). Однако последующие записи романа не щадят: «История любви и описание прелестей Ольги невозможно пошло»; «Дочел Облом[ова]. Как бедно!» (50, 155, 174). В августе 1906 года (запись Д. П. Маковицкого) Толстой повторит отрицательную оценку романа: «„Обломов“ <...> мне не нравился. А „Обыкновенная история“ — да».<sup>16</sup> Ни о «Фрегате „Паллада“», ни об «Обрыве» он отзывов не оставил, читал ли он их, неизвестно. Единственное гончаровское «изречение» Толстой включил в свод «Мысли мудрых людей на каждый день»: «Февраль. 26. Великая любовь неразлучна с глубоким умом, широта ума равняется глубине сердца; оттого крайних вершин гуманности достигают великие сердца, они же и великие умы. Гончаров» (40, 91).<sup>17</sup>

Неприятие Толстым эстетических принципов старшего современника и вынесенный в трактате «Что такое искусство?» приговор Гончарову-«эстетику» были обусловлены, помимо прочего, и «нетолстовскими» качествами поэтики и стиля Гончарова, среди которых — уже отмеченный минимализм авторского «я». Здесь приходится вернуться к констатации тех радикальных различий, о которых писал Н. Апостолов. Позицию Гончарова на протяжении всей жизни — как в вопросах общественно-политических, так и в вопросах литературных — можно определить как релятивистскую, или, выражаясь несколько мягче, подчеркнуто объективную. Он избегал резко за-

<sup>14</sup> Переписка Некрасова: В 2 т. М., 1987. Т. 2. С. 41.

<sup>15</sup> Там же. С. 460.

<sup>16</sup> Лит. наследство. Т. 90. Кн. 2. С. 221.

<sup>17</sup> Источник, указанный в комментарии, — «Иллюстрированный настольный календарь т-ва „Просвещение“ на 1902 год» (40, 480). В Описании библиотеки Толстого ошибочно указан толстовский «свод» — «Круг чтения» (см.: Библиотека Л. Н. Толстого в Ясной Поляне: Библиогр. описание. М., 1972. Т. 1: Книги на русском языке. Ч. 1. С. 206). Цитата заимствована из «Обрыва» (ч. 4, гл. 4; запись в дневнике Бориса Райского; см.: VII, 543).

явленных мнений, открытой субъективности, был уклончив в суждениях и оценках, скрываясь, как правило, за самыми общими фразами. Все это становится и стилеобразующей чертой. Вот как, к примеру, стиль Гончарова — уже в посттолстовской литературной реальности — определял С. А. Венгеров: «Слог Гончарова удивительно плавен и ровен, без сучка и задоринки. Нет в нем меланхолических тонов Тургенева, колоритных словечек Писемского, нервных нагромождений первых попавшихся выражений Достоевского. Гончаровские периоды округлы, построены по всем правилам синтаксиса, и нет у него своего синтаксиса, своей грамматики, как у других писателей нервного темперамента. Слог Гончарова сохраняет всегда один и тот же темп, не ускоряясь и не замедляясь, не ударяясь ни в пафос, ни в негодование. Словом, это такой же „объективный“ слог, как объективно творчество Гончарова, такой же ровный слог, как ровен весь художественный темперамент автора „Обыкновенной истории“». <sup>18</sup> У Гончарова не было нервного темперамента, а был темперамент «лимфатический» (это его слова). Не было у Гончарова метафоричности Гоголя, он не «писал эссенциями», как Лесков, не было у него и мощно-тяжеловесного толстовского синтаксиса. Лексика Гончарова — литературно нейтральная, чуждая эффектов и экспрессии, «ненавязчивая», «обыденная», как характеризует ее современный исследователь. <sup>19</sup>

Помимо очевидно «нетолстовских» «округлости» и «правильности», для текста Гончарова характерна и высокая степень литературной условности, которую Толстой всегда остро чувствовал, называя «литературной подкладкой», «литературностью», «литературой литературы», и которая для него неизменно являлась отчуждающим мотивом, препятствием в признании. «Литературная подкладка противна мне до того, как ничто никогда противно не было», — свидетельствует запись в его дневнике от 22 ноября 1856 года (47, 101). Не случайность поэтому и появление рядом с именем Гончарова имени Тургенева («Гончаров — еще больше литератор, чем Тургенев»). <sup>20</sup>

Те или иные культурные коды, литературные модели в текстах Гончарова присутствуют на всех уровнях — сюжетном, персонажном, образно-мотивном. Один из убедительных примеров подобной «литературной подкладки» в «Обыкновенной истории» — многочисленные прообразы персонажной пары дядя—племянник как в литературе русского Просвещения, <sup>21</sup> так и в европейской литературе начала XIX века. Образцами разработки данной литературной схемы могут служить «Письмо дяди племяннику» (1769) Н. И. Новикова и «Наставление дяди своему племяннику» (1789) Д. И. Фонвизина. «В русской литературе XVIII века, — подтверждает данный тезис Е. А. Краснощекова, — отношения дяди и племянника как наставника и ученика (некое «замещение ролей» отца и сына) рассматривались неоднократно». <sup>22</sup> И сама фигура Ментора является, кроме того, устойчивым элементом не только классицистической драмы, но и «романа

<sup>18</sup> Венгеров С. Иван Александрович Гончаров. Биографический очерк // Гончаров И. А. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1899. Т. 1. С. 18.

<sup>19</sup> См.: Бухаркин П. Е. «Образ мира, в слове явленный»: (стилистические проблемы «Обломова») // От Пушкина до Белого: Проблемы русского реализма XIX—начала XX века: Межвуз. сб. / Под ред. В. М. Марковича. СПб., 1992. С. 120—121.

<sup>20</sup> «Слава Богу, — писал Толстой Боткину и Тургеневу 21 октября (1 ноября) 1857 года, — я не послушал Тургенева, который доказывал мне, что литератор должен быть только литератор» (60, 234).

<sup>21</sup> См.: Глухов В. И. О литературных истоках «Обыкновенной истории» // И. А. Гончаров: Материалы международной конференции. Ульяновск, 1994. С. 45—54.

<sup>22</sup> Краснощекова Е. А. И. А. Гончаров: Мир творчества. С. 72—73.

воспитания».<sup>23</sup> Несомненные параллели между «Обыкновенной историей» и «Роб Роем» В. Скотта были указаны Э. М. Жилияковой, подчеркнувшей близость диалогов Адуевых диалогам старшего и младшего Осбалдистонов.<sup>24</sup> Ситуацию приезда племянника к дяде «с заманчивыми видами на будущее» как «насквозь олитературенную, сросшуюся с определенной книжной традицией, а в русском своем варианте еще и англоязычную» рассматривает и А. А. Илюшин.<sup>25</sup>

К разряду архетипических относится и персонажная пара, в которой слуга выступает комическим двойником своего господина (Захар—Обломов). Длительную литературную предысторию, восходящую к мифу о Пигмалионе и Галатее, имеет присутствующий во всех трех гончаровских романах мотив оживления статуи,<sup>26</sup> не менее богатая литературная родословная у обломовского халата<sup>27</sup> и т. д., и т. д.

Наконец, принципиально отличны в художественных методах двух романистов литературоцентричный по природе и превалирующий у Гончарова метод типизации (создание типов и сверхтипов) и его факультативность в поэтике Толстого. Гончаров в романном и нероманном творчестве прежде всего писатель-типолог,<sup>28</sup> типизация у него — универсальная стратегия, обеспечивающая как «постройку» образа, так и упорядоченность и устойчивость художественного мира в целом. В критических статьях 1870-х годов, в «Мильоне терзаний» (1872), в «Лучше поздно, чем никогда» (1879) и других, к осмыслению категории типического Гончаров обращается многократно, оценивая ее значение и для собственного творчества, и для творчества близкого ему А. Н. Островского. Характерное, например, отчасти даже и мистифицированное представление о «творческих типах» разных авторов Гончаров включил в статью «Лучше поздно, чем никогда», где писал: «К этому загадочному, пока еще не разъясненному, но любопытному явлению в области творчества можно отнести и духовное, наследственное сродство, какое замечается между творческими типами художников, начиная с гомеровских, эзоповских, потом сервантесовского героя, шекспировских, мольеровских, гетевских и прочих и прочих, до типов нашего Пушкина, Грибоедова и Гоголя включительно. Этот мир творческих типов имеет как будто свою особую жизнь, свою историю, свою географию и этнографию, и когда-нибудь, вероятно, сделается предметом любопытных историко-филологических критических исследований. Дон Кихот, Лир, Гамлет, леди Макбет, Фальстаф, Дон Жуан, Тартюф и другие уже породили, в созданиях позднейших талантов, целые родственные поколения подобий, раздробившихся на множество брызг и капель» (139). Отношение к категории типического оста-

<sup>23</sup> См.: Там же. С. 73; Глухов В. И. О литературных истоках «Обыкновенной истории». С. 52—53.

<sup>24</sup> См.: Жилиякова Э. М. И. А. Гончаров и Вальтер Скотт: (Некоторые наблюдения) // Проблемы метода и жанра. Томск, 1986. С. 197—215.

<sup>25</sup> См.: Илюшин А. А. Сим обязаны В. Скотту? // Русская речь. 1994. № 5. С. 3—7. В статье названы по меньшей мере пять произведений, «наметивших и закрепивших эту англо-русскую сюжетную традицию»: «Роб Рой» (1818) В. Скотта, «Мельмот-Скиталец» (1820) Ч. Р. Мэтьюрина, «Евгений Онегин» (глава первая — 1823, опубл. 1825) А. С. Пушкина, поэма «Сашка» (1825—1826) А. И. Полежаева, «Обыкновенная история» (1847) Гончарова. В авторе «Обыкновенной истории», как отмечает А. А. Илюшин, угадывается внимательный читатель «Роб Роя», поскольку разительно схожи эпизоды в обоих романах, когда дядя читает неумелые стихи племянника, перебивая чтение ироническими замечаниями (там же. С. 6).

<sup>26</sup> См.: Строганова Е. Н. Миф о Пигмалионе в романной трилогии И. А. Гончарова // И. А. Гончаров: Материалы международной научной конференции. Ульяновск, 2008. С. 215—221.

<sup>27</sup> См.: Тирген П. Халат Обломова // Ars philologiae: Профессору А. Б. Муратову ко дню шестидесятилетия / Под ред. П. Е. Бухаркина. СПб., 1997. С. 134—146.

<sup>28</sup> См. об этом: Недзвецкий В. А. И. А. Гончаров — романист и художник. М., 1992. С. 132.

ется для Гончарова одним из важнейших аргументов и в полемике с «новой реальной школой»: «Кстати, о типичности. Новая реальная школа, сколько можно понять, кажется, отвергает и ее. Это уже значит — замахиваться не на одну так называемую „романтическую школу“, а на Шекспира, Сервантеса, Мольера! Кому какое дело было бы, например, до полоумных Лира и Дон Кихота, если б это были портреты чудаков, а не типы, то есть зеркала, отражающие в себе бесчисленные подобию — в старом, новом и будущем человеческом обществе? Нет, напрасно будет пророчить себе этот новый род реализма долгий век, если он откажется от пособия фантазии, юмора, типичности, живописи...» (142).

Здесь уместно сослаться на неприятие «типического» Б. Пастернаком, в чьей эстетике многое соприродно толстовской (что сам он отчетливо признавал). «Принадлежность к типу, — читаем в «Докторе Живаго» (ч. 9, гл. 14), — есть конец человека, его осуждение».<sup>29</sup> И о том же другая запись: «...всякая типичность равносильна неестественности, и типами, строго говоря, бывают лишь те, кто в ущерб природе сами в них умышленно лезут. Зачем, думалось мне, тащить типичность на сцену, когда уже и в жизни она театральна?».<sup>30</sup> Близкое понимание природы типического находим у Бахтина: «Самостоятельность героя в типе значительно понижена, все проблемные моменты вынесены из контекста героя в контекст автора, развиваются по поводу героя и в связи с ним, а не в нем, и единство им придает автор, а не герой, носитель жизненного познавательного-этического единства, которое в типе понижено до чрезвычайности».<sup>31</sup>

Сложившееся, устоявшееся, узнаваемое в гончаровском типе очевидно противостоит «текучей», познающей мир и себя открытости и незавершенности толстовского героя, в котором «вечное напряжение и беспокойство, пульсация внутренней жизни <...> ценно само по себе как человеческая способность, как новое богатство».<sup>32</sup> Характерно, что своего героя Толстой определял как «движущийся тип»,<sup>33</sup> творчество же самого Толстого определяется идеей *пути*, признанной во всех без исключения классических работах о нем.<sup>34</sup>

Трудно не процитировать и еще одно пастернаковское суждение из очерка «Люди и положения», приближающее нас к пониманию художественных функций страсти и бесстрастия, где речь идет о загадке толстовской оригинальности: «Главным качеством этого моралиста, уравнителя, проповедника законности, которая охватывала бы всех без послаблений и изъятий, была ни на кого не похожая, парадоксальности достигавшая оригинальность. Он всю жизнь, во всякое время обладал способностью видеть явления в оторванной окончателюности отдельного мгновения <...>. Для того чтобы так видеть, глаз наш должна натравлять страсть. Она-то именно и озаряет своей вспышкой предмет, усиливая его видимость. Таковую страсть, страсть творческого созерцания, Толстой постоянно носил в себе. Это в ее именно свете он видел все в первоначальной свежести, по-новому и как бы впервые. Подлинность виденного им так расходится с нашими привычками, что мо-

<sup>29</sup> Пастернак Б. Л. Собр. соч.: В 5 т. М., 1991. Т. 3. С. 294. Разумеется, позиция Пастернака, по-толстовски максималистская, провокативная, не умаляет значения того, что он называл «исторической символикой» искусства, которую держит «сила сцепления, заключающаяся в сквозной образности всех его частиц» (там же. Т. 4. С. 208).

<sup>30</sup> Ивинская О. В. Годы с Борисом Пастернаком. В плену времени. М., 1992. С. 215.

<sup>31</sup> Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1978. С. 170.

<sup>32</sup> Бочаров С. Г. Роман Л. Толстого «Война и мир». 4-е изд. М., 1987. С. 142.

<sup>33</sup> Подробнее см.: Сливницкая О. В. «Истина в движении»: О человеке в мире Л. Толстого. СПб., 2009. С. 14 и след.

<sup>34</sup> См.: Там же.

жет показаться нам странной. Но Толстой не искал этой странности, не преследовал ее в качестве цели, а тем более не сообщал своим произведениям в виде писательского приема».<sup>35</sup>

Если в переписке двух романистов, как мы видели, предстал ее единственный участник — Гончаров, то литературные оценки звучали большей частью из уст Толстого.

Суждения Гончарова о толстовских романах были произнесены как будто вполголоса, «в сторону», осторожно и уклончиво и — затерялись в до сегодняшнего дня не собранных, опубликованных и неопубликованных письмах писателя к разным корреспондентам. В поздних литературно-критических статьях Гончарова оценок толстовских произведений нет. Как, впрочем, нет развернутых суждений о больших именах и важнейших явлениях русской литературы (или есть высказывания самого общего характера), исключая неизменно любимое «Горе от ума» и неизменно отвергаемое имя — Тургенева. Характерны в этом свете немногочисленные высказывания Гончарова о «Войне и мире». В февральском письме 1868 года к Тургеневу он пишет, что «Мир и войну» (так!) не читал (роман публиковался в «Русском вестнике» с декабря 1867-го), поскольку все силы уходят на цензуру: «Главное известие <...> появление романа „Мир и война“, графа Льва Толстого. Он, то есть граф, сделался настоящим львом литературы. Я не читал (к сожалению, не могу — потерял всякий вкус и возможность читать), но все читавшие и, между прочим, люди компетентные, говорят, что автор проявил колоссальную силу и что у нас (эту фразу почти всегда употребляют) „ничего подобного в литературе не было“. На этот раз, кажется, однако, судя по общему впечатлению и по тому еще, что оно проняло людей и невпечатлительных, фраза эта применена с большею основательностью, нежели когда-нибудь. Вероятно, Вы получите, а может быть, и получили уже экземпляр „Мира и войны“ и лучше всякого оцените, сколько во всех этих толках правды» (371—372). В письме к С. А. Никитенко — в 1873 году — Гончаров просит прислать ему «Войну и мир», сообщая: «...мне помнится, что у Вас есть „Война и мир“ графа Льва Толстого; если есть, то позвольте прислать за ним или забросьте мимоездом ко мне. Я давно собираюсь прочесть его, но меня напугали толки о том, что там много скучной философии, которою будто бы автор вредит достоинству своих творческих созданий. Пора же, наконец, прочесть и его. Я глубоко уважал всегда автора и как серьезного художника, и как честного человека, хотя и находил, что он иногда оригинальничал, но это было в разговорах, в шуточных спорах, в приятельской беседе. Ужели он эту оригинальность в самом деле перенес в роман свой?»<sup>36</sup> В 1878 году (в письме от 17 июля) Гончаров советует датскому переводчику П. Г. Ганзену, работавшему над переводом «Обломова» и «Преступления и наказания», перевести «Войну и мир» (при этом эхом повторяя толстовское определение «капитальный роман», данное когда-то «Обломову»): «Это — положительно русская Илиада, обнимающая громадную эпоху, громадное событие — и представляющая историческую галерею великих лиц, списанных с натуры — живою кистью — великим мастером. <...> Это я позволяю высказать Вам свой взгляд на тот случай, если б Вы твердо и положительно включили бы в Ваше литературное призвание между прочим и намерение ознакомить родную Вашу литературу со многими капитальными произведениями наших писателей. — Это одно из самых капитальных, если не самое

<sup>35</sup> Пастернак Б. Л. Собр. соч. Т. 4. С. 323.

<sup>36</sup> Текст письма с откорректированной датировкой — в фонде издательской Группы И. А. Гончарова в ИРЛИ. Фрагмент см.: Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. С. 175.

капитальное! Другие произведения того же автора так же капитальны по своим литературным достоинствам, но „Война и мир” — выше их всех по своему историческому и народно-русскому значению». <sup>37</sup> И наконец, в 1885 году (в письме от 9 февраля) он благодарит того же Ганзена за перевод «Войны и мира» на датский язык: «Я более рад, что переводят такого писателя на иностранные языки, чем кого-нибудь другого, не исключая даже Тургенева и Достоевского. Толстой — настоящий творец и великий художник, достойный представитель нашей литературы, а Достоевский — более психолог и патолог; художественность у него на втором плане. Тургенев блестящ, но не глубок. Положительно граф Толстой выше всех у нас». <sup>38</sup>

Переписка между писателями после тридцатилетнего перерыва неожиданно возобновилась в 1887 году. В июне этого года А. Ф. Кони посетил Ясную Поляну, откуда привез Гончарову «поклон» от Толстого. Кони вспоминал: «Может быть, некоторым сходством в творчестве объясняется и то особенное теплое чувство, с которым отзывался при мне Толстой о Гончарове, (...) прося передать ему сердечный привет и выражение особой симпатии, несмотря на весьма малое с ним знакомство». <sup>39</sup> Гончаров 22 июля откликнулся на «сердечный привет» в письме Толстому: «А. Ф. Кони, прогостивший у Вас несколько дней в деревне, привез мне поклон от Вас и сказал, что Вы сохранили добрую память обо мне...» (477).

«Сходство в творчестве» Гончарова и Толстого отмечал не только Кони. Так, В. С. Соловьев считал, что романы Гончарова и Толстого «решительно однородны по своему художественному предмету, при всей особенности их талантов». Близость писателей он видел в том, что «оба они воспроизводят русское общество, выработанное веками (помещиков, чиновников, иногда крестьян), в его бытовых явно существующих, а часто отживших или отживающих формах». <sup>40</sup>

Неантагонистичность художественных миров двух русских романистов при их очевидной неслиянности оставляет проблему их творческого диалога (в широком смысле) открытой и, надо признаться, практически не исследованной.

<sup>37</sup> Переписка И. А. Гончарова с П. Г. Ганзеном: 1878—1885 / Предисл. и комм. М. П. Ганзен-Кожевниковой // Литературный архив. М.; Л., 1961. Т. 6. С. 81—82.

<sup>38</sup> Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. С. 271.

<sup>39</sup> И. А. Гончаров в воспоминаниях современников / Вступ. статья А. Д. Алексеева; подг. текста и прим. А. Д. Алексеева и О. А. Демиховской. Л., 1969. С. 240.

<sup>40</sup> Соловьев В. С. Три речи в память Ф. М. Достоевского (1881—1883) // Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 294.